

Когда они вышли из переулочка, из подъезда напротив вышел школьник в форме с рюкзаком. Девушка выглянула из подъезда, помахала ему на прощание и быстро скрылась, словно боясь, что кто-то заметит их отношения.

Цао Е подумал, что они с Лян Сычжэ похожи на школьников, которые, прячась от родителей, тайком целуются в укромном месте. Раньше его раздражали игры в прятки с папарацци, но сейчас, в подъезде, слушая приближающиеся шаги, он почувствовал... что-то волнующее. Он, должно быть, сошёл с ума.

На обратном пути Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е. Тому показалось, что он хочет что-то сказать, но Лян Сычжэ лишь покачал головой и сказал: «Потом поговорим», — и перевёл разговор на другую тему. На самом деле он хотел рассказать Цао Е об истории с Чжан Минханем, но сейчас атмосфера была слишком хорошей, и он не хотел портить её, поднимая тему их давней ссоры. У него были на то свои причины.

Цао Е догадывался, о чём он хочет поговорить, но раз Лян Сычжэ молчал, он не стал спрашивать. Ему не хотелось говорить о Цао Сююане. Они вернулись в отель уже после семи вечера. Так как у них был всего один зонт, их одежда промокла.

Сун Цинъянь ждала их у двери, листая ленту в телефоне. Услышав приближающиеся шаги, она подняла голову, увидела Лян Сычжэ и Цао Е, встала и сказала:

— Сычжэ-гэ, ты наконец вернулся! Директор Цао тоже здесь? Ой... — она втянула воздух и, потирая ногу, сказала со смущенной улыбкой, — ноги затекли.

— Долго ждала? — Лян Сычжэ посмотрел на неё и, достав ключ-карту, открыл дверь. — Почему ты не позвонила мне?

— Да всего... полчаса. Я подумала, что ты, наверное, гуляешь под дождём, и скоро вернёшься, вот и решила подождать у двери.

— Ты спала весь день? — Лян Сычжэ вошёл в номер.

Сун Цинъянь последовала за ними, хихикнула и сказала:

— Спасибо за выходной, Сычжэ-гэ.

— Принесла сценарий? — спросил Лян Сычжэ и, посмотрев на Цао Е, понизил голос. — Сходи пока в душ. В комнате есть чистая одежда, возьми её сам.

— А, хорошо, — ответил Цао Е и направился в спальню, думая про себя, не слишком ли это очевидно перед Сун Цинъянь...

Когда Цао Е ушёл в комнату, Сун Цинъянь изобразила на лице преувеличенное удивление и посмотрела на Лян Сычжэ, широко раскрыв глаза. Лян Сычжэ, взяв у неё сценарий, рассмеялся:

— Ладно, хватит ломать комедию.

Сун Цинъянь перестала притворяться и, моргнув, спросила:

— Ты... понял, что я поняла?

— Ты постоянно со мной, если бы ты этого не поняла, то твои перспективы в карьере были бы туманны, — ответил Лян Сычжэ, листая сценарий как ни в чём не бывало.

— Ясно, — Сун Цинъянь перефразировала его слова. — Ты хочешь сказать, что я проницательная, и у меня блестящие перспективы, да?

— Вполне, — ответил Лян Сычжэ.

— Тогда... тебе, наконец, это удалось? — осторожно спросила Сун Цинъянь.

Лян Сычжэ с улыбкой посмотрел на неё и легонько стукнул сценарием по голове:

— Видишь всё насквозь, да?

— Да так, ничего особенного, — с притворной скромностью ответила Сун Цинъянь.

Цао Е вышел из комнаты с одеждой в руках, но не успел поздороваться, как Сун Цинъянь, словно освоив телепортацию, метнулась к двери и быстро протараторила:

— Тогда, Сычжэ-гэ, директор Цао, я пойду, увидимся завтра! — после чего она со щелчком захлопнула дверь и исчезла.

Скорость её исчезновения заставила Цао Е опешить. Он посмотрел на Лян Сычжэ:

— Что ты ей сказал?

— Ничего, — Лян Сычжэ положил сценарий на стол и улыбнулся. — Похвалил её за проницательность.

Хм, похоже, эта похвала была не напрасной.

—

К вечеру, когда они собрались выпить, дождь уже прекратился. Заместитель режиссёра разливал всем напитки:

— Завтра начинаем работу, так что пейте умеренно, — сказал он, а затем, подойдя к бокалу Цао Е, изменил тон. — А директор Цао может пить сколько угодно.

Всем остальным он налил по полбокала, а Цао Е — полный. Цао Е, зная свою плохую переносимость алкоголя, подумал, что после этого бокала ему придётся полагаться на Лян Сычжэ, чтобы вернуться в номер. Говорят, что к алкоголю привыкают, и за эти годы он побывал на множестве мероприятий, но его переносимость алкоголя лучше не стала. В этом он, видимо, пошёл в мать.

Пока заместитель режиссёра разливал напитки остальным, Лян Сычжэ незаметно поменял свой бокал с бокалом Цао Е, взял полный бокал и сделал глоток. Он обсуждал съёмки с продюсером Суй Цянем и, меняя бокалы, продолжал слушать, словно ничего не происходило. После этого он не стал никому ничего объяснять, только посмотрел на Цао Е и сказал:

— Ты плохо переносишь алкоголь, пей меньше, — затем, обращаясь к продюсеру, он продолжил:

— Фильм Хэ Чэня, похоже, выйдет только в следующем году.

Все в индустрии знали, что известный сценарист Хэ Чэнь закончил сценарий и ждёт, когда Лян Сычжэ согласится на роль. Ходили слухи, что Хэ Чэнь написал этот сценарий специально для Лян Сычжэ. Цао Е вдруг понял, что, хотя он и старался не следить за новостями о Лян Сычжэ, ни один слух о его романах не прошёл мимо него.

Возможно, из-за ролей Ли Няня и Лу Хэчуаня вокруг Лян Сычжэ ходило много слухов о его отношениях с мужчинами. Сначала это был Цао Е, которого СМИ называли «таинственным другом юности», затем его наставник Цао Сююань, потом актёр Хэ Синьцэ, с которым он снимался в «Реке Ванчуань», и, наконец, известный сценарист Хэ Чэнь, который, по слухам, много лет безответно был влюблён в Лян Сычжэ.

Ду Чжуй поднялся, чтобы чокнуться с Цао Е. Пока Цао Е пил, он думал: с «таинственным другом юности» — правда, с наставником Цао Сююанем — ложь, а что насчёт остальных двух? Это была правда или ложь? Он взглянул на Лян Сычжэ. Тот слегка покачивал бокал с вином. За окном рассеялись густые облака, и показался полумесяц, похожий на серебряный крючок. Отражение луны в бокале Лян Сычжэ мерцало и покачивалось вместе с красновато-коричневой жидкостью.

Когда они вернулись в номер, Цао Е был немного пьян. Не настолько, чтобы не держаться на ногах, но его походка была слегка неустойчивой. Он обнял Лян Сычжэ за шею, переложив на него половину своего веса, и с ностальгией в голосе спросил:

— Лян Сычжэ, как ты дотащил меня тогда? — хотя он говорил о той ночи десять лет назад, когда напился, его слова звучали так, будто та ночь случилась совсем недавно.

Лян Сычжэ, поддерживая его одной рукой, другой открыл дверь ключ-картой и небрежно ответил:

— Тащил, волочил, нёс, пинал.

— Ага, наконец-то ты признался! — протянул Цао Е. — Я так и знал, что тот синяк на колене был от твоих пинков.

— Это что, попытка перевернуть всё с ног на голову? — Лян Сычжэ рассмеялся и повёл его к дивану. — Я тебя всю дорогу нёс на себе, чуть не свалился от усталости, откуда у меня были силы пинать тебя?

— А синяк...

— Я же говорил, что ты сам ударился, когда я тебя водил в туалет. Хочешь воссоздать эту сцену? — Лян Сычжэ наклонился, чтобы усадить Цао Е на диван, но тот не отпуская его шею и, упав вместе с ним, потянул его за собой.

Когда они вошли, Лян Сычжэ не включил свет, а теперь, когда Цао Е придавил его к дивану, ему было лень вставать и делать это. Лян Сычжэ понимал, что с прошлой ночи Цао Е чувствовал себя неловко, вероятно, ещё не привыкнув к переходу от дружбы к романтическим отношениям. Но сейчас, под воздействием алкоголя и в темноте, Цао Е снова превратился в того шаловливого повесу, каким он был в старших классах. Если темнота помогала Цао Е чувствовать себя более свободно, подумал Лян Сычжэ, пусть он побудет в ней подольше.

Диван был довольно широкий, но вдвоём на нём всё равно было тесновато. Цао Е приподнялся и уткнулся лицом в шею Лян Сычжэ, вдохнул его запах и, посмотрев на него, сказал:

— Лян Сычжэ, почему ты так приятно пахнешь?..

Лян Сычжэ погладил его по волосам, а Цао Е, как и раньше, схватил его за руку и начал вспоминать старые обиды:

— Из-за того, что ты раньше постоянно трепал меня по голове, я не дорос на два сантиметра.

— Теперь я во всём виноват?

— А кто ещё? Кроме тебя никто не гладил меня по голове.

— Ну, теперь-то ты уже не растёшь, — сдерживая смех, сказал Лян Сычжэ. — Значит, я могу гладить тебя сколько захочу?

— Нет, — Цао Е прижался лбом к его плечу, упрямо бормоча. — Я, может, и не расту, но могу облысеть от твоих поглаживаний.

Лян Сычжэ ещё долго смеялся:

— Цао Е, ты такой милый! — затем он положил руку ему на затылок и серьёзным тоном сказал: — Облысение — это генетика. Твой отец и дедушка не лысые, твоего деда по материнской линии я тоже видел в газетах, ему больше восьмидесяти, волосы, конечно, поседели, но их довольно много, так что ты тоже не облысеешь, не переживай, — с этими словами он ещё пару раз погладил Цао Е по волосам.

— Ты прямо провёл целое расследование, — пробормотал Цао Е, а затем, закрыв глаза, протянул руку и взял в ладонь собранные в хвост волосы Лян Сычжэ. Они были довольно жёсткими, с лёгкой волной. Ему очень шла эта причёска, придавая ему беззаботный вид.

Когда-то Лян Сычжэ в костюме и с длинными волосами, стоя на сцене с наградой, был для многих недостижимой мечтой, а теперь эта мечта оказалась в руках Цао Е. Он открыл глаза, оперся локтями о диван и, приподнявшись, посмотрел на Лян Сычжэ. Как он мог столько лет не замечать, что любит Лян Сычжэ? Ведь с того самого момента, как он увидел его у входа в «Лазурную вечеринку», он не мог отвести от него взгляд и невольно тянулся к нему. Лян Сычжэ сформировал его юношеские представления о красоте, как внешней, так и внутренней.

Он приблизился к Лян Сычжэ. Много лет назад, сидя на деревянной скамейке в «Лазурной вечеринке», он не смел смотреть Лян Сычжэ в глаза из-за внезапно нахлынувших чувств. Но теперь Лян Сычжэ принадлежал ему, и он мог смотреть на него сколько угодно. Он наклонился и поцеловал лунный свет на лбу Лян Сычжэ, а затем, с лёгким недоумением, спросил:

— Лян Сычжэ, почему ты так хорошо переносишь алкоголь? Кажется, ты совсем не пьян.

— Я притворяюсь, — тихо ответил Лян Сычжэ, глядя на него. — Неужели не заметно?

— Не заметно, — сказал Цао Е. — Перестань притворяться.

Лян Сычжэ улыбнулся:

— Мне нужно ещё немного поиграть.

Они целовались под лунным светом. Цао Е подумал, что, наверное, он действительно сильно пьян, раз ему так нравилось целоваться. Казалось, они целовались с прошлой ночи — это были и глубокие поцелуи, и лёгкие прикосновения губ, и влажные, с привкусом вина. Затем он почувствовал возбуждение. Это было странно. Он любил Лян Сычжэ, хотел обнимать и целовать его, но не хотел заниматься с ним сексом. Даже сейчас, несмотря на физическую реакцию, он не хотел секса.

Он оперся о кровать, чтобы встать, но в этот момент Лян Сычжэ коснулся его ремня. Тело Цао Е напряглось, он сглотнул и хотел что-то сказать, но Лян Сычжэ поднял голову, поцеловал его и тихо, словно заволакивая, прошептал:

— Цао Е, ты можешь остановиться в любой момент, но тебе нужно попробовать, чтобы понять, сможешь ли ты это принять.

Щелчок пряжки ремня и металлической молнии джинсов раздался в тихой комнате, наполняя её особым смыслом. Лян Сычжэ сказал, что он может остановиться в любой момент, и действительно, каждое его движение было мучительно медленным, словно он ждал, пока Цао Е привыкнет или же нарочно дразнил его.

Когда он сквозь ткань почувствовал чужую руку, в голове Цао Е что-то взорвалось, словно разорвалась бомба. Когда их горячие тела соприкоснулись, слегка сухая ладонь быстро стала влажной. Цао Е уткнулся лицом в шею Лян Сычжэ, часто дыша, словно ему не хватало воздуха. Он подумал о руке Лян Сычжэ, играющей на скрипке. На самом деле он никогда не видел, как Лян Сычжэ играл на скрипке, но в его воображении возникла эта левая рука, перебирающая струны, с маленькой родинкой на тыльной стороне, то нежно, то с силой касающаяся его.

Вместе с теплом ладони пришли и тёплые губы, прикосновение стало более настойчивым. В тот момент, когда струна, казалось, лопнула, дыхание Цао Е участилось. Он обнял Лян Сычжэ и нежно укусил его за шею. Всё расплылось. Разум помутился. Тело стало невесомым. Это было похоже на... головокружительный сон.

На лбу у Цао Е выступил пот. Шея Лян Сычжэ тоже была влажной, непонятно, от пота или от его недавнего укуса. Цао Е прижался к ней губами и попробовал на вкус — солёный. Лян Сычжэ тоже вспотел. Цао Е завороченно смотрел на кадык Лян Сычжэ,двигающийся под тонкой кожей. Это было... чертовски сексуально.

Их тела были так близко, что Цао Е чувствовал явное возбуждение Лян Сычжэ. И то, как он сдерживается. Цао Е, помедлив, протянул руку вниз. Лян Сычжэ помог ему, теперь его очередь помочь Лян Сычжэ. Но как только он коснулся запястья Лян Сычжэ, тот перехватил его руку. Ладонь Лян Сычжэ была покрыта влажной, тёплой жидкостью, которая попала на тыльную сторону руки Цао Е. Сжимая его руку, Лян Сычжэ посмотрел ему в глаза и медленно, низким голосом произнёс:

— Цао Е, я делаю это, чтобы тебе было хорошо, а не для того, чтобы ты мне платил той же монетой. — Он поцеловал Цао Е. — Я люблю тебя и не хочу, чтобы между нами были какие-то условия.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130310>